

*Книги, вышедшие в серии
«Часть речи»*

ГЕННАДИЙ ГРИГОРЬЕВ. Небо на ремонте

ОЛЕГ ГРИГОРЬЕВ. Куб, шар, цилиндр

АРКАДИЙ ДРАГОМОЩЕНКО.

Великое однообразие любви

ВИКТОР КРИВУЛИН. Воскресные облака

ОЛЕГ ОХАПКИН. В среде пустот

АЛЕКСЕЙ ПАРЩИКОВ. Минус-корабль

СЕРГЕЙ ПЕТРОВ. Псалмы и фуги

ВИКТОР ТОПОРОВ. Любимых убивают все

ВАСИЛИЙ ФИЛИППОВ. Карандашом зрачка

ЕЛЕНА ШВАРЦ. Зверь-цветок

ВИКТОР ШИРАЛИ. Простейшие слова

Елена Шварц

Зверь-цветок

ПАЛЪМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 2

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Ш33

Составление Б. В. Останина

Шварц Е.

Ш33 Зверь-цветок : [стихотворения и поэмы] / Елена Шварц ; [сост. Б. В. Останина ; предисл. П. Ф. Успенского]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 263 с. — (Серия «Часть речи»).

ISBN 978-5-517-07362-4

В книгу вошли избранные стихотворения Елены Шварц (1948–2010), одного из лучших поэтов ленинградского андеграунда 1970-х и 1980-х годов. Смысл ее творчества выражает афоризм: «Свобода — это бесстрашие». Сочетание литературной рафинированности и прямоты высказываний в «пору глухоговоренья» и есть высочайшая мера бесстрашия, которое дарует человеку и поэту подлинную свободу.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Шварц Е. А., наследники, 2022
© Останин Б. В., составление, 2022
© Успенский П. Ф., предисловие, 2022
© Оформление.

ISBN 978-5-517-07362-4

АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

Предисловие

В одной из дневниковых записей Елены Шварц есть такое определение: «Свобода — это бесстрашие». Эти слова — не только глубокая мысль, не только пронизательный афоризм, но и свидетельство поэта о самом себе: в поэтической речи Шварц всегда была бесстрашна и потому — свободна.

Елена Шварц родилась в 1948 году в Ленинграде. Её мать Дина Морисовна Шварц была заведующей литературной частью Большого драматического театра. С детства будущего поэта окружали актёры и люди искусства, а театр был её вторым домом. Любовь к театральному действу повлияла на стихи. Напряжённый драматический диалог Орфея и Эвридики («Орфей»), философский разговор Пугала и Соловья, тяга к лирическим маскам («Труды и дни Лавинии...»), пристрастие к метаморфозам («...Я — куст из роз и незабудок сразу...») — всё это во многом вырастает из раннего увлечения театром.

Второе важнейшее детское увлечение Шварц — стихи. Зачитываясь ранним Маяковским, а потом и Цветаевой, Шварц усваивает не только их смелые эксперименты со стихом, но и представление о поэте как об особом человеке, наделённом в жизни и творчестве уникальным даром и потому живущим по своим собственным, только ему ведомым, законам. От Маяковского и Цветаевой в стихи Шварц переходит сконцентрированность на себе,

часто приносящая мучение: поэт — это «глаз выдранный, на ниточке кровавой, / На миг вместивший мира боль и славу...». Мучительная отделённость, «инаковость» поэта («Мне моя отдельность надоела...») может привести и к неприятию сложившегося порядка вещей, отказу от мира: «Не знаю, как другим, а мне — / Сей мир не по плечу...» (тут можно вспомнить близкие, но более резкие Цветаевские строки: «На твой безумный мир / Ответ один — отказ...»).

К четырнадцатилетнему возрасту относятся первые поэтические опыты Елены Шварц, и её голос сразу звучит самостоятельно. Она посещает различные литературные объединения, читает стихи на семинарах, знакомится с молодыми поэтами. Неофициальное признание приходит к ней уже в начале 1960-х годов.

Вторая половина XX века требовала от поэта выбора: участвовать или не участвовать в официальном литературном процессе. Участие гарантировало публикации в известных журналах, сборники стихов, членство в Союзе писателей, гонорары и другие материальные блага. Взамен стихи должны были соответствовать общепринятым представлениям о поэзии и быть идеологически правильными. Помимо цензуры, такое устройство литературного процесса во многом предполагало и автоцензуру (так, некоторые поэты писали в стол одни стихи, а в редакции несли совсем другие). Если же выбиралось неучастие, то человек оказывался вычеркнутым из литературы. Вычеркнутым, но внутренне свободным.

Елена Шварц, как и ряд других выдающихся поэтов, среди которых — помимо напрашивающегося Иосифа Бродского — необходимо назвать Леонида Аронзона, Виктора Кривулина, Александра Миронова, Ольгу Седакову (самого близкого по своим стихам к ленинградскому кругу московского поэта), Сергея Стратановского, выбрала поэтическое подполье. До второй половины 1980-х

годов стихи Шварц не появлялись в официальной печати, но их можно было найти в самиздате и в журналах русской эмиграции. Зато потом, с конца 1980-х, ей удалось издать одиннадцать поэтических книг, несколько сборников прозы, а к 60-летию поэта двухтомное избранное превратилось в четырёхтомное собрание её сочинений в стихах и прозе.

Хотя биография Шварц не богата событиями, необходимыми для понимания стихов, сознательное неучастие в официальном литературном процессе сказалось на её образе жизни. Шварц была неотъемлемой частью ленинградской богемы, которая регулярно собиралась на частных квартирах выпивать, читать стихи и спорить об искусстве. Как и большинство поэтов, Шварц в 1970–80-е годы систематически занималась переводами, и эта работа позволяла сводить концы с концами, оставляя время для главного — поэзии. Только потом, в 1990-е и 2000-е, она была удостоена литературных премий с ощутимым гонораром, появились гранты и стипендии от любителей стихов. Но в целом её жизнь всегда была не очень обеспеченной.

Принадлежность Шварц к неофициальной ленинградской поэзии, к ленинградскому андеграунду или ко второй культуре (названия до сих пор варьируются) совершенно закономерна: только в такой независимой, частной среде развитию её таланта ничего не мешало. Стихи Шварц были несовместимы с советской лирикой по многим причинам. Корневая — принципиально иное понимание поэзии. Для многих официальных литераторов вполне естественно было писать определённое количество строк в день, и это нередко превращалось в рутинное занятие. Причём часто — на заданные темы, поскольку их набор хотя и не был напрямую спущен свыше, но формировался коллективной эстетикой и интуитивно чувствовался участниками литературного процесса. Шварц по-

нимала назначение поэта совсем не так: может, и не небожитель, но, безусловно, проводник высшего начала, сакральная персона, которой доступно божественное откровение («мгновенье связанный с ревущим божеством...»). Не стоит, однако, думать, что такое представление связано с романтизмом в байроническом изводе или с ницшеанской идеей сверхчеловека: если поэт причастен высшим смыслом, все свои способности он должен посвятить духовному росту, познанию и самосовершенствованию. По сути, жизнь поэта подобна монашескому служению, а поэзия становится религиозным действием: «И выстрою в течение долгих зим / Внутригрудной Ерусалим...» («Ткань сердца расстелю Спасителю под ноги...»). Впрочем, сама поэзия к догматизму не обязывает: помимо христианства Шварц всегда интересовалась другими религиями и мистическими учениями, и, наверное, самая яркая попытка синтеза духовных культур предпринята в «Трудах и днях Лавинии...».

Представление о сакральности и действенности поэтического слова роднит Шварц с русскими символистами. Вообще, при таком взгляде лирики других эпох оказываются духовными братьями, жизнь и деяния которых — образец стремления к духовной гармонии и истинному знанию. Отсюда — внимание поэта к своим предшественникам. Для Шварц мировая поэтическая традиция была неотъемлемой частью творчества. Гораций, Данте, Гёльдерлин, Тютчев, Белый, Хлебников, Кузмин, Заболоцкий стали её постоянными собеседниками, и многому она научилась именно у них. Так, полиметрия и стилистические перепады её стихов развивают поэтику Хлебникова, а пристрастие к стилизаторству — Кузмина и отчасти Белого. С Кузминым же, по-видимому, связан постоянный тематический интерес к XVIII веку («Старость княгини Дашковой», «В отставке» («Мамонов и Екатерина»), «Утки в Павловске»).

На самом деле связь стихов Елены Шварц с поэтической традицией сильнее, чем кажется на первый взгляд. Под традиционностью часто понимают ориентацию на поэзию XIX века (в противоположность модернистским тенденциям игры с текстом), но для поэтов второй половины XX века канонизация традиций начала века была совершенно закономерна. Более того, обращение именно к ней противостояло нейтральному стилю и гладкописи советской лирики. Сказанное хорошо иллюстрирует уже само заглавие одного стихотворения, в котором сочетается традиционная жанровая маркировка и нехарактерный для поэзии предмет («Элегия на рентгеновский снимок моего черепа»). А в диптихе «Соловей-спасающий» и «Соловей спасающий» («стихотворение-двойник») вечный поэтический образ обрывает метафизическими смыслами, оформляющимися в полиметрической композиции. Сам же факт одновременного существования двух текстов-двойников был узаконен Мандельштамом в его теперь классических «двойчатках».

Конечно, поэзия Шварц требует не только внимательного чтения, но и погружения в культурный контекст. Однако не стоит видеть в ней эзотеричного поэта для посвящённых. В равной мере ей присуща понятность и чёткость лирического высказывания. Она могла отстраниться от всего, буквально увидеть мир со стороны и написать прозрачные и горькие стихи о конечности человеческого существования («Земля, земля, ты ешь людей...»). Или увидеть в странной ситуации присутствие истории, её цикличность («Воспоминание о странном угощении»). Или устыдиться своего старения («Как стыдно стариться...»). Или донести до читателя чувство мучительной и непреодолимой жалости, от которой сводит горло («Для нежности больной звериной...»).

Сочетать в себе литературную рафинированность и прямоthu высказываний в «пору глухоговоренья» (кото-

рая, похоже, никогда не кончается) — и есть то самое высочайшее бесстрашие, которое можно назвать подлинной свободой.

Елена Шварц умерла в 2010 году после продолжительной болезни. До последних дней она писала стихи, и на них необходимо обратить отдельное внимание: их трагическое звучание и одновременно вера в слово — редкая верность поэта самому себе. Неслучайно мы назвали только две даты — рождения и смерти. Елена Шварц относится к тем поэтам, чьи жизненные события не принципиальны для понимания стихов. Её главным делом всегда была только поэзия, то высшее откровение, истинное значение которого ещё предстоит оценить.

Павел Успенский